

ИНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СУБСТРАТ
В ТРАНСЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ/

INNOLINGUACULTURAL SUBSTRATE IN TRANSLINGUALISM:
STATEMENT OF THE PROBLEM

224

[Nataliya YUZEFOVICH](#)

Associate Professor, Ph.D.

(Far Eastern State Humanitarian University, Khabarovsk, Russian Federation)

yuzefovich_2005@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3284-7224>

Abstract

The article analyzes the main features of translingual literature. It emphasizes, in particular, the literature written in English of those writers for whom English is a foreign or second language.

Keywords: *literature, translingual literature, language, foreign or second language, substrate*

Rezumat

În articol, sunt analizate principalele caracteristici ale literaturii translinguale. Accentul este pus, mai cu seamă, pe literatura în limba engleză a unor scriitori, pentru care această limbă este una străină sau a doua.

Cuvinte-cheie: *literatură, literatură translingvală, limbă, limbă străină sau limba a doua, substrat*

1. Глобализация языка и литература

Выдвижение одного языка как средство глобального общения, как правило, связывают с политическим, экономическим, финансовым и прочими дискурсами, однако глобализация актуализируется и в литературе. Это связано с географией распространения данного языка, на что первым обратил внимание лингвистов, методистов и пр. индийский лингвист Б. Качру, предложив концепцию «трех кругов» (Kachru, 1986). Выделяя эти «круги» на базе английского языка, Б. Качру считает, что «внутренний круг» (родной/первый язык) и «внешний» (второй язык), где английский язык имеет статус официального, являются «нормоопределяющими» (*norm-providing*), а «расширяющийся круг», где английский язык является приоритетным иностранным языком, включает «нормо-зависимые» (*norm-dependent*) страны (*ibidem*).

Несомненное новаторство концепции Б. Качру состоит в признании «внешнего круга» как *нормоопределяющего* и, главное, способного к инновациям, что подчеркивает мультикультурность и полицентричность английского языка.

Б. Качру подкрепляет свои выводы, обращаясь к англоязычным произведениям, созданным авторами из «внешнего круга», билингвами, первый (родной) язык которых не является английским.

Литературу, в центре внимания которой находится художественный мир родного языка и культуры автора, в преломлении через картину мира английского языка, Б. Качру называет *контактной* (*contact literature*) (Kachru, 1987). Основы ее исследования составляют концепции «транс-созидательности» (“transcreation”) и «транскультурной («межкультур-ной») креативности» (“transcultural creativity”) (*ibidem*).

В данном подходе важность представляют не только разнообразные языковые приемы писателей, описывающих свою культуру средствами другого языка, но и процессы взаимосвязи лингвистической *нативизации* (*nativization*) и ее конечный результат – *аккультурация* английского языка (*acculturation of English*) (Kachru, 1986, с. 143).

В научной литературе встречается также термин *второязычная литература*, однако его употребление не всегда оправдано контекстом, так как ряд бикультурных писателей владеет свободно двумя языками (естественный билингвизм), для других язык второй культуры становится или является первым.

Писатели, создающие свои творения не на родном языке (писатели-билингвы), далеко не новое явление в мировой литературе. Известны, например, блестящие англоязычные книги В. Набокова. Классическим примером русскоязычной литературы билингвальных авторов является советская литература. Это объясняется тем, что русский язык был широко распространен в бывшем Советском Союзе, где практически все союзные республики, за исключением Российской Федерации, были двуязычны и где национальные писатели, такие как Ч. Айтматов, О. Вициетис, С. Капутикян и др., создавали художественную картину мира своей национальной лингвокультуры посредством русского языка. К русскому языку, как средству своей этнической идентификации, и сегодня прибегают писатели-билингвы бывших союзных республик: Г. Бельгер, А. Кекильбаев, М. Кул-Мухаммед и др., а исследователи занимаются изучением их творчества. Так, научная школа У. М. Бахтикиреевой занимается изучением творчества писателей-билингвов Казахстана. Выводы, сделанные этими исследователями, помогают глубже понять транслингвальную современную казахскую литературу, основу которой составляет понятие о *билингвальности писателя*, «которая позволяет приобщить носителя русского языка к мировосприятию тюркских этносов (Бахтикиреева, 2005) или о его «идиоэтническом начале», «которое заложено на генетическом уровне автора и неизбежно проявляется в его художественном дискурсе» (Туманова, 2008, с. 7). А.Б. Туманова делает вывод, что такая закономерность способствует «формированию у него [у писателя – прим. Н.Ю.], какличности и как худож-

ника слова, особой, своеобразной языковой картины мира негетерогенного характера, представляющей результат контаминации, взаимовлияния двух культур и двух языков» (*ibidem*). Факт изменения идентичности билингва под влиянием картины мира контактирующего языка отмечают как отечественные, так и зарубежные исследователи билингвизма и транслингвальной литературы, например, В. В. Кабакчи, З. Д., Попова, И. А. Стернин, Е.О. Бамиро, А.Ф. Гапта, Б. Хорнер и др.

1. Транслингвальный подход в литературе

Как следует из вышесказанного, литература, написанная билингвальными писателями, является еще одним важным аспектом межкультурной коммуникации в эпоху глобализации, так как писатели выражают свою культурную идентичность на том языке, который более доступен массовому читателю⁶⁵. Естественно, что в целом для мирового сообщества большой интерес представляют именно англоязычные произведения билингвальных авторов, в том числе и русских, практически неизученных отечественной наукой и которых «высветила» языковая глобализация.

Зарубежные исследователи обосновывают необходимость изучения контактной или транслингвальной литературы, опираясь на «транслингвальный подход» (*translingual approach*), в соответствии с которым единый языковой стандарт не является более требованием писательского творчества, то есть разного рода отклонения от зафиксированной нормы не считаются недостатком, с которым нельзя примириться, а напротив, они рассматриваются как творческий источник: «Viewing differences not as a problem but as a resource, the translingual approach promises to revitalize the teaching of writing and language. By addressing how language norms are actually heterogeneous, fluid, and negotiable, a translingual approach directly demands that writers, should conform to fixed, uniform standards» (Horner, 2011, с. 301).

Использование языка в новых межкультурных и контактных условиях называют «транслингвальной практикой» (*translingual practice*) (Penpusook, 2008).

В рамках транслингвального подхода выделяют «транскультурную креативность» (*transcultural creativity*), которую П. Скотт (Scott, 1990) определяет как искусное и преднамеренное воспроизведение характерных деталей одного языка средствами другого: «The purposive and artful reproduction within one language of features from another language» (*apud* Bamiro, 2011, с. 2).

Термины *транслингвальная литература* и *транслингвальные писатели* представляются логичными в соответствии с терминологией Стивена Г. Келлмана, представленной им в исследовании «Switching Languages:

⁶⁵ В бывших союзных республиках этим языком является русский.

Translingual Authors Reflect on their Craft». Так, *транслингвальная литература* – это литература написанная *транслингвальными писателями*, т.е. авторами, которые создают свои произведения не на родном языке (*write in a language other than their primary one*) или более чем на одном языке (*write in more than one language*). Ученый называет их *амбивалентными* (*ambivalent*), т.е. свободно владеющими более чем одним языком (*fluent in more than one language*) (Kellman, 2003, с. 9). Как отмечает М. Спунер, если не родной язык – английский, то в новом контексте он приобретает новые черты; это своего рода смесь родной культуры и языковых характеристик запада, включающих семантику, прагматику, литературное наследие и пр.: «As English becomes institutionalized in nations that do not share its Western cultural traditions, the language broadens. The English produced in new contexts naturally takes on the flavor of its surroundings, delivering a blend of native and Western linguistic features, semantic and pragmatic qualities, literary heritages, and the like» (Spooner, 2010).

2. Художественная картина мира в транслингвальной литературе

Основная функция художественной литературы – функция эстетического воздействия – определяет содержание и форму произведения. *Художественная картина мира* возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения. Это вторичная картина мира, поскольку, создавая ее языковыми средствами, писатель отражает и свою индивидуальную картину мира. Иначе говоря, художественная картина мира опосредована дважды: языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира, воплощенной в данном тексте. При этом смыслы, которые «входят в пресуппозицию автора и читателя», могут остаться «закрытыми» для представителей инолингвокультуры (Сорокин, 2003, с. 5).

Художественная картина мира воплощается в языковых средствах, включающих «определенные тематические группы языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства и др.» (Попова и др., 2003, с. 8). Таким образом, художественное произведение – это опосредованное, вторичное отображение действительности для данной лингвокультурной общности.

Важным для данного исследования является мысль Ю. А. Сорокина о переводе художественного текста. Он отмечает, что при этом «мы имеем дело не только с *двуязычным переводом*, но с *«двукультурным», интерпретативным переводом*» (Сорокин, 2003, с. 4–5). Применительно к транслингвальной литературе можно сказать, что она, по сути, *двукультурная интерпретативная литература*.

Авторы-билингвы отличаются формированием особой картины мира, сочетающей две контактирующие культуры: родную культуру и ее

язык, и культуру второго языка. Результат деятельности билингва – текст на первом языке, который ориентирован на описание культуры второго языка или текст на втором языке, отражающий мир первого языка. В любом случае, языковая картина мира первой культуры, как ментальная сущность, оказывает доминирующее воздействие на писателя.

3. Лингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе

Основной сложностью выражения культурной идентичности средствами другого языка является сохранение «голоса», «духа» культуры, т.е. сохранение *лингвокультурного субстрата* – культурно-специфичных деталей при выражении мыслей средствами другого языка. Лингвокультурный субстрат в контексте другого языка актуализируется как *инолингвокультурный субстрат* (термин введен В. В. Кабакчи), вербализуемый, главным образом, ксенонимами, т.е. номинациями специфических элементов инолингвокультуры (Кабакчи, 1998; Кабакчи и др., 2007).

Поскольку переориентация языка на другую культуру проявляется, в первую очередь, на уровне лексики, при анализе подобных текстов становится очевидным, что они неизбежно включают иноязычные лексические единицы, посредством которых передается национально-культурная специфика описываемых явлений. В данном случае, наблюдается интересная *транскультурная креативность*.

Анализируя транскультурную креативность нигерийских англоязычных писателей, Е. О. Бамиро выделяет интерференцию нигерийской и английской культур у этих писателей, которая принимает форму *культурного гибрида* (hybridity), характеризующийся *культурным слиянием* (cultural syncreticity) (Bamiro, 2011) этих двух культур.

А. Ф. Гапта, сопоставляя произведения англоязычных писателей Сингапура произведениям англоязычных писателей Новой Зеландии, приходит к выводу, что выражение культурных идентичностей этих стран средствами английского языка требует привлечения больших средств экспликации (Gupta, 2000).

Примечательны также исследования англоязычных произведений, ориентированных на описание китайского лингвокультурного субстрата (например, произведения Лизы Си). В этих произведениях особое место занимает описание не столько предметных деталей, сколько номинаций ценностей, которые практически невозможно передать калькированием или описательным переводом. Эти ценности раскрываются на протяжении всего произведения особенно через полифонию, которая способствует проникновению читателя в глубь китайской культуры. Так, в романе Лизы Си «Snow Flower and the Secret Fan» основным понятием является *laotong* – отношение между девочками, девушками,

женщинами, которое доступно не каждому, а только тем, чьи жизни имеют много совпадающих точек: одна и та же дата рождения, одна и та же дата бинтования ног, одно и то же имя и пр. Это - связь на всю жизнь и она крепче родственных уз:

«Snow Flower – my *laotong*, my “old same” 老 my secret-writing partner – sent me the fan [...] I see how that simple garland grew to be an elaborate design of interwoven snow blossoms and lilies to symbolize our two lives together as a pair of *laotong*, old sames. [...] “A *laotong* match is as significant as a good marriage,” Lily’s aunt explained. “A *laotong* relationship is made by choice for the purpose of emotional companionship and eternal fidelity” (L. See, *Snow Flower and the Secret Fan*).

Знание китайского языка позволяет писательнице эксплицировать значение важных понятий через этимологический комментарий:

«In our county, we call this type of mother love *teng ai*. My son has told me that in men’s writing it is composed of two characters. The first means *pain*; the second means *love*. That is a mother’s love» (L. See, *Snow Flower and the Secret Fan*).

Лингвокультурный субстрат также ярко выражен в другом романе писательницы «*Shanghai Girls*». Объясняя значение ксенонима, автор эксплицитно выражает значимость лингвокультурного субстрата для китайской лингвокультуры, языковая картина мира которой отличается от англоязычной. Это проявляется, например, через иерархию родственных отношениях между братьями и сестрами, определяемой по старшинству:

«...my sister loves me. I’m her *jie jie* – her elder sister. In the hierarchy of the Chinese family, I will always and forever be above her» (L. See, *Shanghai Girls*).

Как видно из приведенных примеров, социальная принадлежность значима в контексте китайской лингвокультуры, так как по ней можно определить статус семьи и соответствующие традиции, обычаи и ритуалы, которым они должны следовать, т.е. существует определенная предопределенность жизни. Естественно, что такая социальная принадлежность по меньшей мере странна в контексте англоязычной лингвокультуры:

«We are *kaoteng Huajen* – superior Chinese – who follow the religion of *ch’ung yang*: worshipping all things foreign, from the Westernization of our names to the love of movies, bacon and cheese» (Lisa See, *Shanghai Girls*).

С этой точки зрения, представляют интерес и произведения англоязычных авторов русского происхождения, которые уже стали популярными, например, роман Гари Штейнграта «*The Russian Debutante’s Handbook*». Насколько русским становится описание деревенской избы

через заимствованный ксеноним *izba*, значение которого раскрывается только в контексте, видно из следующего отрывка:

«In the basement, surrounded by plaster dust and loose electrical wires, the doctor had tried to recreate for himself the rickety village *izba* where he had spent his childhood: coarse off-white panels listing the walls were supposed to bring to mind the Russian birch; a set of unfinished wooden chairs gathered around a three-legged kitchen table bespoke an admirable poverty» (G. Shteyngart, *The Russian Debutante's Handbook*).

Такого рода текст передает исконно традиционный субстрат русской лингвокультуры.

В современной России чаще говорят о других проблемах, которые с юмором представляет Гари Штейнгат в романе «Absurdistan», в котором художественная картина мира воссоздает жизнь «бизнесменов», еврейской диаспоры и пр. Ирония автора передается описанием персонажей. Определенную стилистическую роль играют в романе вторичные заимствования, передаваемые транслитерацией, например, *kottedzhes, town khauses, kapitalists, biznesman* и т.п. Так, единица *kottedzhes* актуализирует скептическое отношение иностранцев к тому, что *виллы* и *резиденции* в русском языке гордо именуются *коттеджами*. На первый взгляд, слово переключается с английским *cottage*, обозначающим «загородный дом для отдыха», однако это не соответствует русскокультурному контексту:

«Krestovsky (Island) is where we rich people pretend to be living in a kind of post-Soviet Switzerland, trudging along the manicured bike paths built 'round *kottedzhes* and *town khauses*, and filling our lungs with parcels of atmosphere seemingly imported from the Alps» (G. Shteyngart, *Absurdistan*, p. 4).

Калькирование для создания ксенонимических номинаций используется реже, чем транслитерация или транскрибирование. Как правило, писатель прибегает к нему при употреблении многокомпонентных синтаксических структур, которые в сочетании с необычным для англоязычного мира семантическим наполнением способствуют передаче инолингвокультурного субстрата. Так, для передачи названий советских реалий своего детства Гари Штейнгат вводит калькированные номинации и транслитерированные ксенонимы, в которых русские иммигранты в США, так сказать, «современной волны», легко узнают Чебурашку - героя известного советского мультипликационного сериала. Поскольку автор не просто вводит ксенонимические номинации, но и сопровождает их комментариями, лингвокультурный субстрат русской жизни понятен и англоязычному читателю:

«...my childhood Cheburashka doll. Cheburashka, a star of Soviet children's television, a cuddly asexual brown creature with his dreams of joining the Young Pio-

neers and building a House of Friendship for all the lonely animals in town, analyzed me with his enormous liquid eyes» (G. Shteyngart, *Absurdistan*).

И на примере романа англоязычного автора русского происхождения Ольги Грушин⁶⁶ «The Dream Life of Sukhanov» хорошо видно использование калькирования для сохранения русскокультурного субстрата. Обратите внимание, насколько точно передана советская атмосфера в следующем отрывке, при помощи калькирования знакомых нам клише *великий вождь* и *социализм с человеческим лицом*:

«It occurred to Sukhanov that the whole scene was oddly like a parody of Malinin's early work – one of those easily recognizable “Great Leader” paintings, with Lenin (or someone else, heavily mustachioed and currently unnamable) thundering from a far-off podium, on the unreachable horizon, and tides of workers and peasants spreading outward from it [...]. Other, milder creations hung under the spotlights, presenting to the audience so-called Socialism with a Human Face – a slogan that was perhaps more familiar to Sukhanov than to anyone else here» (O. Grushin, *The Dream Life of Sukhanov*).

В сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет привести больше примеров, иллюстрирующих передачу культурной идентичности транслингвальными авторами средствами английского языка, однако вышеприведенные цитаты показывают, что английский язык – это не только средство общения, но и средство самовыражения инолингвокультур.

Выводы

Таким образом, можно сказать, что, создавая текст на иностранном языке, описывающем родную культуру, авторы-билингвы стремятся теми или иными способами передать лингвокультурный субстрат своей культуры, сохранить свою культурную идентичность. На лексическом уровне это актуализируется, как правило, введением ксенонимов, транслитерированием или калькированием. Это позволяет не только передать, через произведение, культурную специфику народа, но и повышает информативность и даже достоверность текста.

Сегодня транслингвальная литература определенно заняла свое значимое место в мировой литературе и представляет интересный и обширный материал для исследования лингвостилистических особенностей произведений китайских, русских, нигерийских, сингапурских и пр. транслингвальных авторов.

Литература

Bamiro, E. O. (2011). Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English Literature. *International Journal of Linguistics*, 3(1), 1–16.

⁶⁶ Интересно отметить также адаптацию фамилии писательницы ванглийском языке – Grushin – где имена существительные не имеют окончания женского рода.

Gupta, A. F. (2000). Marketing the Voice of Authenticity: a Comparison of Ming Cher and Rex Shelley. *Language & Literature*, 9(2), 150-169.

Horner, B., Lu, M.-Z., Jones Royster, J., Trimbur, J. (2011). Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach. *College English*, 73(3), 299-317.

Kachru, B. B. (1986). Non-native Literatures in English as a Resource for language Teaching. In: C. J. Brumfit, R. A. Carter (Eds.). *Literature and Language Teaching* (pp. 140-149). Oxford University Press.

Kachru, B. B. (1987). The Bilingual's Creativity: Discoursal and Stylistic Strategies in Contact Literatures. In: L. E. Smith. N.Y., L., Sydney (Eds.). *Discourse across Cultures. Strategies in World Englishes* (pp. 125-140). Prentice Hall.

Kellman, St. G. (2003). *Switching Languages: Translingual Authors Reflect on their Craft*. University of Nebraska Press.

Pennycook, A. (2008). Translingual English. *Australian Review of Applied Linguistics*, 31(3), 301-309.

Spooner, M. (2010). Contact Literature in English. In: *ERIC Digest*. <http://www.eric.ed.gov/PDFS/ED323552.pdf>.

Бахтикиреева, У.М. (2005). *Творческая билингвальная личность: Национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. Триада* / Bahtikireeva, U.M. (2005). *Tvorcheskaya bilingvalnaya lichnost: Nacionalnyj russkoyazychnyj pisatel i osobennosti ego russkogo hudozhestvennogo teksta. Triada*.

Кабакчи, В. В. (1998). *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. РГПУ им. А.И. Герцена / Kabakchi, V. V. (1998). *Osnovy angloyazychnoj mezhkulturnoj kommunikacii*. RGPU im. A.I. Gercena.

Кабакчи, В. В., Юзефович, Н. Г. (2007). Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 95-101 / Kabakchi, V. V., Yuzefovich, N. G. (2007). Inolingvokulturnyj substrat v mezhkulturnoj kommunikacii. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 3, 95-101.

Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2003). *Язык и национальная картина мира. Истоки* / Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2003). *Yazyk i nacionalnaya kartina mira. Istoki*.

Сорокин, Ю. А. (2003). *Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. Гнозис* / Sorokin, Yu. A. (2003). *Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevicheskie procedury. Gnozis*.

Туманова, А. Б. (2008). *Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва. Автореф. дисс. ... докт. филол.н. Алматы* / Tumanova, A. B. (2008). *Yazykovaya kartina mira v hudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva. Avto-ref. diss. ... dokt. filol.n. Almaty*.

Источники эмпирического материала

Grushin, O. (2007). *The Dream Life of Sukhanov*. Penguin Books.

See, L. (2010). *Shanghai Girls*. Random House.

See, L. (2005). *Snow Flower and the Secret Fan*. Random House.

Shteyngart, G. (2002). *The Russian Debutante's Handbook*. Riverhead Books.